

Точка зрения

В 1948 году девятнадцатилетний студент механико-математического факультета Томского университета, сочинявший музыку, собрался с духом и отправил свои сочинения Дмитрию Шостаковичу. «Мне нужен был человек, которому вы абсолютно доверяли и который мог мне сказать, стоит ли мне заниматься музыкой». Шостакович ответил: «Если же вы не имеете музыкального образования, то тут я должен Вам сказать, что Вы являетесь явлением, из ряда вон выходящим».

Никакого образования у Эдисона Денисова не было. Учил его во время войны один человек играть на мандолине, потом сам осваивал балалайку, гитару, рояль... Это потом, когда писал диплом, он умудрился уехать на пять месяцев в Москву, уговорил взять его в музыкальное училище при консерватории и за-

Слова Шостаковича оказались пророческими. Жизнь долго испытывала его, но со своего тернистого пути Денисов не свернул ни разу.

— Я считаю, что у меня счастливая судьба. Хотя все время были трудности, все делалось для того, чтобы я не писал музыку. Но у меня есть какое-то врожденное упрямство (может, потому, что я сибиряк), я всегда делаю то, что хочу, что бы ни происходило вокруг. Почему я счастливый? Потому что учился у прекрасного педагога В. Шебалина, всю жизнь был окружен друзьями, и все мои друзья были лучшие музыканты мира. Если я что-то писал, то сочинения попадали в руки замечательных исполнителей. Скажем, когда я написал первый скрипичный концерт, премьеру в театре Ла Скала сыграл Гидон Кремер...

В шестидесятые годы, когда нас обзывали «авангардистами», считали чуть ли не позором советской музыки, премьеры моих произведений прорывались благодаря усилиям музыкантов, объединившихся вокруг замечательного пианиста Алексея Любимова. Другое дело, что официально и руководство Союза композиторов, и Министерство культуры считали, что композитор Денисов нет. Директор музыкального фестиваля в Швейцарии рассказывал мне, что, когда он спросил одного из наших музыкальных боссов, встретившись с ним в Париже, почему мы десять лет приглашаем на фестиваль Денисова, а вы либо нам не отвечаете, либо отвечаете отказом, босс задумался и сказал: «Денисов... Денисов? Я не слышал такой фамилии». Когда у нас с А. Шнитке, по-моему, в 1979 году, был концерт в Дюссельдорфе, нас не пустили и послали телеграмму, что творчество этих композиторов не может представлять советскую музыку. Позиция союза остается такой и до сих пор. Другое дело, что изменились времена, и мы вышли из-под их контроля, нам не нужно их высочайшее соизволение, чтобы поехать на фестиваль. А так до 1984 года Министерство культуры СССР не покупало у меня ни одной ноты.

— История нашего искусства, к сожалению, знает немало примеров, когда художника отлучали от жизни общества и они по-разному распоряжались своей судьбой: кто-то не выдерживал, кто-то уезжал, кто-то оставался, живя впроголодь, но

нимался там сочинением и теорией. Университет закончил с отличием, в консерваторию принят не был «за отсутствием композиторских данных», сдал экзамены в аспирантуру и... на следующий год вновь приехал в Москву, на этот раз поступил. Когда Шостакович узнал о неудаче Денисова, он написал ему:

«...Мне приятно было читать, как Вы защищаетесь от моих замечаний, как Вы защищаете свои сочинения. Значит, Вы их любите. Это еще раз говорит в Вашу пользу, т. е. это говорит за то, что Вы станете композитором. Настоящий художник любит свое творчество... Путь композитора тернист (извините за несколько пошлую фразу). На своей шее испытал и испытываю. Если Вы на это решитесь, то в будущем не проклинайте меня. Повторяю: «Тернист путь композитора»...»

Эдисон Денисов: СТАРАЛСЯ НЕ ИЗМЕНЯТЬ СЕБЕ

себе не изменял. Что вам помогло выстоять?

— У меня всегда было внутреннее убеждение, и сейчас оно есть, что я делаю то, что должен. Я никогда не был конформистом, больше всего в людях не люблю конформизма, и, как бы мне трудно ни приходилось, я никогда не шел ни на какие компромиссы. А уверен всегда был, даже когда появлялись статьи и те умолкали разговоры: у Денисова нет таланта, он не должен писать музыку, — иного пути у меня нет: я писал, пишу и буду писать. Этот путь мой, и я пройду его до конца. Это не профессия, музыка — моя жизнь.

Меня поддерживало еще и то, что я всегда был по отношению к себе более жесток и суров, чем самые отъявленные недоброжелатели. Я стремился всю жизнь быть самим собой, никогда не искал сиюминутного успеха, делал, что считал необходимым, и старался быть честным.

— Как-то вы сказали: я больше научился у живописи, чем у композиторов...

— Это правда. Мои друзья знают, что если я впервые приезжаю в город, то меня сразу надо повести в музей. Из всех областей искусства живопись наиболее близка к музыке.

Вообще красота для искусства значит необычайно много. Я говорю не о красивости, а о красоте мысли, как ее понимают математики или понимали Бах и Веберн. Кроме того, в наше время композиторы поняли, что красота музыки тоже способна нести музыкальную информацию. Первым, кто это почувствовал, был Модест Мусоргский. Может быть, поэтому так трудна была судьба его сочинений и при его жизни, и до сих пор. Большинство советских дирижеров даже не знают, например, что есть оригинальная партитура «Ночи на Лысой горе», что она издана. Мы очень любим высокопарно

чтобы это было нравственно и помогало ему, а в итоге и всем людям быть и чище, честнее, сильнее. Нам всем сейчас требуется сила, чтобы выстоять, не уступить, чтобы маятник нашей истории вновь не качнулся в трагедию.

— Вы считаете, что это возможно?

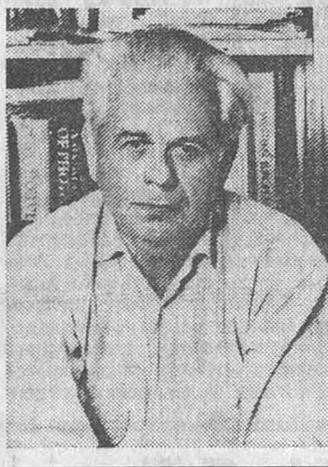
— Я настроен достаточно оптимистически. Может быть, я просто оптимист по натуре. Даже в самые трудные времена, когда мне нечего было есть (такоже тоже было), я все равно верил, что в жизни больше хорошего, чем плохого. И сейчас тоже так думаю, несмотря на то, что столько лет старались убить в нас все духовное. Как-то Нейгауз сказал: «Бороться с чловеческим духом бесполезно и бессмысленно». Также нельзя убить и настоящее искусство. Посмотрите, сколько десятилетий томилось в столах, мастерских, запасниках все настоящее, а сейчас прорастает, прорывается к нам. Это же прекрасно. Наконец-то у нас происходит постепенное возвращение к истинным ценностям. А это значит, что начинается и духовное возрождение. Но что мешает невероятно, так это бюрократия. С этим пока нам еще почти ничего не удалось сделать. Бюрократ обожает формулу «Государство — это мы», но «мы» — это он сам и его окружение. В глазах бюрократа люди делятся на благонамеренных и неблагонамеренных. Причем ему принадлежит право решать, кто есть кто. Он без зазрения совести отождествляет себя с государством, свой интерес выдает за государственный, а уж себя числит исключительно государственным мужем. Он всеислен. Мы перед ним бессильны. Это наша вина, мы их раскормили, распустили. А должно быть наоборот — не общество для них, а они — для общества. Сейчас это, может быть, самая большая угроза для страны и перемени, происходящих в ней.

— Ну, это, если можно так сказать, угроза внешняя, а что в нас самих, изнутри тормозит движение вперед?

— Я очень не люблю в людях эгоизм и эгоцентризм. Мне кажется, что любой человек должен быть немного Дон-Кихотом, если нет в тебе этого, ты как человек ущербен.

Очень много тщеславия среди людей. Не естественного желания, чтобы тебя уважали, которое вырастает из твоего собственного уважения к людям независимо от чинов, а именно тщеславия, то есть непомерного желания признать твою особу исключительной, исходя не из твоих человеческих добродетелей, а из того, что ценностью вовсе не является, — должности, регалии. Из-за этого тщеславия происходит много несправедливого и в жизни, и в искусстве. А ведь места хватит всем, если только ты это место занимаешь по праву. Вот если в душе или сознании каждого будет жить хотя бы крошечный Дон-Кихот, тогда нам всем будут не страшны никакие ветряные мельницы.

Беседу вела
М. НЕВЗОРОВА.

рассуждать об отечественной культуре, о славных традициях, но, Боже мой, как ничтожно мало мы делаем для этой самой культуры. О чем говорить, если даже деятели искусства не заинтересованы в том, чтобы хранить, изучать классическое наследие.

Или, например, в 1980 году было столетие замечательного композитора Николая Рословца, который, так же как в живописи Кандинский, Шагал, Малевич, был вычеркнут из истории музыки. Мне запретили проводить этот концерт... Союзе композиторов. Недавно музыканты из Брянска устроили концерт Н. Рословца. Был прекрасный зал, очень много молодежи, но ни один секретарь союза не пришел на концерт. Так чего же мы можем требовать от людей, не имеющих прямого отношения к музыке, если сами музыканты столь неуважительно относятся даже не к музыке вообще, а к ее жемчужинам?

— Это тем более обидно, все-таки именно искусство — воспитатель человеческих душ.

— Настоящее искусство, истинная музыка всегда духовна. Не случайно она столетия была связана с церковью. Человек не может жить без веры. Без веры в другого человека, в конечную победу добра, справедливости. Неважно в конце концов, откуда он черпает эту веру, главное,